

ИГОРЬ АНДРЕЕВ

Перегнать не догоняя!

Цивилизационный разлом

Когда предельно обострившаяся глобальная ситуация заставляет срочно отвечать на все новые вызовы при отсутствии адекватных для этого средств, люди начинают лихорадочно копаться в историческом прошлом. Такой подход был оправдан в те времена, когда дед мог с высокой степенью вероятности предсказать жизненный путь новорожденного внука, беря за эталон свой собственный. Но, как афористично заметил в свое время Ф. Энгельс, «кипит котел у чародейки Истории, чем дальше, тем быстрее идет дело». Сейчас давление внутри этого котла грозит разнести его в клочья. Человечество оказалось перед дилеммой: либо гибель популяции *homo sapiens*, либо коренное переустройство отношения к природе и самому себе.

Мы оказались на рубеже кардинально разных цивилизаций. Одна обречена, хотя сильна и опасна в своей агрессивной агонии. Другая еще только рождается в муках, усугубляемых отказом первой уступить ей место под солнцем. Между ними — разлом, бездна, пропасть, которую нельзя преодолеть в два прыжка. Прошлое обрушивается на наши головы на-

растающий ком проблем. Справиться с ними известными методами у нас не хватает ни времени, ни сил, ни средств. Ситуация требует мировоззренческого осмысления. К. Маркс, заглядывая в будущее, отмечал, что задача философии — не академическое объяснение мира, а его преобразование. Сегодня ее предназначение выглядит скромнее и одновременно величественнее: не создание нового мира, а творческий поиск и разработка адекватной концепции движения к Будущему, а также максимально своевременное предупреждение человечества об опасностях, неизбежно таящихся на этом неведомом пути.

Характерно, что уже после смерти своего соратника Энгельс существенно уточнил ходовые представления о разработанной ими теории исторического процесса, в частности отказался от призывов к вооруженному восстанию и гражданской войне, считая их формой национального геноцида. Но услышан не был. Это — один из тех случаев, когда популярность марксизма пошла ему во вред. Что же касается предчувствия научно-технической революции, то опирающаяся на овеществленную силу знания и всемирную кооперацию интеллектуальных сил, она была для Маркса светом

АНДРЕЕВ Игорь Леонидович — главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук.

в конце туннеля социальных антагонизмов и источником исторического оптимизма. Они ждали, призывали ее, в отличие от тех наших современников, которые, едва соприкоснувшись с ее дыханием, содрогнулись от опасения не справиться с нею.

Именно страх перед неведомым и необъятным будущим стал причиной всемирного социального стресса. Человек так разогнал колесницу Истории, что порой не видит возможности удержаться в ней. Отсюда — разные варианты бегства от Будущего, попытки спрятаться от него. Отсюда — всплески смиренного фатализма, иллюзорного мистицизма, мрачного оккультизма, романтической эзотерики. И подсознательная тяга к прошлому: историческим исследованиям, сагам, мемуарам, генеалогиям, музеям, реликвиям, антиквариату, к археологии и «туризму в неолит», словом, к разнообразным приметам того времени, когда многие житейские ситуации находились под контролем, а жизнь целых поколений была предсказуемой. Отсюда — апокалипсические мотивы расплодившихся околорелигиозных, псевдонаучных, откровенно террористических и изуверских сект, обещающих избранным и достойным эксклюзивное блаженство в вечной райской жизни.

За красивыми словами о тонких энергиях и гармоничном сближении с космическими силами как единственном средстве спасения обычно скрыты коммерческие и престижные интересы организаторов подобных психологических пирамид либо тривиальное стремление зомбированных послушников надежно абонировать место в последнем вагоне последнего поезда, отправляющегося в вожделенное Будущее. Впрочем, доверчивых адептов ожидает судьба «коммерческой» карьеры деревянного Буратино, оказавшегося на вожделенном поле

чудес в Стране дураков. Гениальная пародия графа Алексея Толстого в жанре итальянской сказки задолго до ваучеризации и приватизации рельефно выявила реальный финансовый подтекст банковских манипуляций и пирамид, связь их с криминалитетом, а также пагубность предпочтения сиюминутных развлечений новым знаниям. В такой ситуации скрупулезное выяснение любезных российскому менталитету вопросов «кто виноват?» и «что делать?» представляется психологической игрой в словесные бирюльки. Ключевая проблема эпохи — «как быть?», а не «где деньги?», ибо судьба самих денег и рынка, частной собственности и государственной власти, либеральной экономики и парламентской демократии, взявших немереную власть над людьми, далеко не однозначна.

Процесс пополнения прошлого тем, что мгновение назад было настоящим, непрерывен. Потому оно в значительной степени уже известно. Следовательно, его можно сколько угодно уточнять, ворошить, пересматривать, перекраивать, комбинировать в надежде найти виновных и нереализованные по их вине, безусловно, благоприятные возможности. Забота об этом стала почвой неуклюжих идеологических спекуляций и стимулом зарождения альтернативной истории. Что было бы, если бы... Все эти подходы, может быть, кроме последнего, принципиально неприменимы к Будущему, которое отодвигается по мере приближения к нему, как видимая линия горизонта. *Де-юре его еще нет, хотя де-факто оно уже присутствует в настоящем.* И не просто незримо существует в сумбурных процессах нашей жизни, но и неодолимо тянет на себя тенденции ее спонтанной эволюции либо целенаправленно программируемого развития. Оно существует, но пока *виртуально, как*

потенция, которая может себя по-разному реализовать: продуктивно или контрпродуктивно, созидательно или катастрофично. Все зависит от того, какие тенденции поддержит либо затормозит своими действиями общество, насколько адекватно оно сможет распознать проблески грядущего и растолковать с помощью науки адресованные нам знаки. Ибо от людей, сумевших расшифровать неявные послылы из Будущего, зависит, насколько успешно они помогут, выражаясь языком Гегеля, «пробить скорлупу наличного бытия».

Наш опыт показал, сколь перспективно латать обветшалый тришкин кафтан исчерпавшей исторический ресурс индустриальной цивилизации и составлявших ее основу промышленных монстров. Но в этом внешне грустном явлении заложен глубокий прогрессивный смысл. Пора конструировать и создавать новое лекало, кроить и шить для России костюм завтрашний, отвечающий функциональным потребностям и интеллектуальной моде, все более энергично стучащейся в двери информационной эры. Главное — не стать при этом наивными жертвами коварного нейролингвистического программирования со стороны доморощенных социальных оракулов и ангажированных политических кулинарув, заботливо приготовивших для народа ваучерно-приватизационный суп из топора. В нынешней ситуации приходится также опасаться липкой «свиты» вездесущих потомков тех бойких портняжек, которые столь профессионально и вдохновенно «одевали» голого короля, подтверждая старинный афоризм насчет того, кто кого «делает».

Мир круто меняется на наших глазах, а мы порой в упор не хотим видеть этого. Если желающего судьба милостиво ведет за собой, то лениво-

го и тупо упирающегося она жестоко тащит сквозь колдобины и тернии бытия, но отнюдь не к звездам, а скорее всего — к неотвратимой гибели. Этого ли мы хотим?

Последний день индустриальной Помпеи

Можно ли изучать то, чего еще нет и, судя по всему, никогда не было? Нынешние реалии раздражают привычное к черно-белой четкости обыденное сознание конфликтностью разнонаправленных процессов, явлений, прогнозов, мировоззрений и этических императивов. «Последний день Помпеи» был для Карла Брюллова не только художественной ретроспекцией гибели античного общества, но и эмоционально острым предчувствием грядущего крушения техногенного образа жизни, цинично стремившегося сделать Природу своей безропотной служанкой.

Смута в делах и умах не миновала ключевых принципов классической европейской культуры. Бесстрастно-однозначная логика аристотелевских силлогизмов, напоминающих парадные построения победоносных фаланг Александра Македонского, все более отчетливо выявляет свою житейскую односторонность, уступая центральное место в парадигме познания и интеллектуальной ориентации вариативной «антилогике» нелинейных процессов, где неожиданные случайности нередко оказываются закономернее ожидаемой необходимости. Диалектика обретает черты триалектики. Впрочем, эта тенденция прослеживается в известных вариациях «среднего термина» у Аристотеля и Гегеля. Первый осмысливал рубеж неолитической революции в греко-персидском варианте, второй — поступь индуст-

риальной революции в Европе. Эти технологические скачки и социальные повороты связывала прямолинейная парадигма каузальности и рационализма, которая в значительной мере обесцветила личностно-эмоциональную составляющую западной ветви исторического процесса с той поры, когда она в киплингианском духе самоопределилась и дистанцировалась относительно локальных цивилизаций Востока.

На закате второго тысячелетия за сверкали всполохи мировоззренческой сумятицы, начался переворот в представлениях человечества о себе, своем месте в мире и «представленности» природы и общества, биологической эволюции и социальной истории, прошлого и предпосылок Будущего в самом человеке: его мозге и генетике, телесной и психической организации. И ближе всего к внешне антидиалектической триалектике информационного менталитета оказалась «Наука логики» Гегеля с самой туманной из его философских теорем — *законом отрицания отрицания*. Однобоко задранное коромысло известного афоризма Гераклита Эфесского стало на глазах выравниваться. Первая часть фразы «все течет, все изменяется», вырванная из авторского контекста, обрела изначальную законченность: «но, изменяясь, остается прежним». Подлинная, триадичная диалектика вместо формальной, усеченной!

Скованные принципами декартовского анализа, ученые не могли подняться дальше имплантационного синтеза бытия. Многие заикнулись на вещественно-корпускулярной природе сущего, относя энергетически-волновую его ипостась к внутриатомным взаимодействиям. Но постепенно науки стали «отлипать» от действительности и парить над ней в облаках виртуалистики, отрываясь от

человека. Из 1000 зарегистрированных международных сообществом научных дисциплин лишь 200 относятся к гуманитарным, а более 500 — к естественным и инженерным. Правда, множатся гибридные отрасли знания типа кибернетики, системологии, синергетики, информатики, интернетики, биоэтики, биополитики и т. д. Их уже свыше 300.

Сегодня человечество шагнуло в информационную эпоху, и его взгляд на мир и на себя в нем претерпевает коррекцию, превосходящую по масштабам и последствиям прежние интеллектуальные революции. Фантомная тоска по недавнему восприятию окружающей действительности, привычному и удобному, как разношенная обувь, не может заслонить выхода на авансцену познания и жизнедеятельности *психологии виртуальных реальностей, логики нелинейных процессов, философии нестабильных состояний, триалектики контрарных и противоречивых противоположностей, сальтации понятийного аппарата и фрактальных суждений, кластерных подходов, гибридных построений и «композиционных» научных дисциплин*.

Когда В. Путин, отмечая жгучую потребность в управленческих кадрах нового поколения, взывает к ближайшим соратникам быть смелее в разработке политической стратегии, а также амбициознее в экономическом планировании, это порой напоминает глас вопиющего в пустыне. Почему? Дело не столько в умственном потенциале, сколько в интеллектуальной ориентации сознания и мышления. Вспоминается поговорка: «Даже самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть». Другой пассаж из этой серии — плакат в салуне Дикого Запада, призывающий в тапера не стрелять, ибо он «играет как умеет».

«Невидимая рука» рынка и «виртуальная голова» экономики знаний

К сожалению, из поля зрения властной элиты выпала научно-образующая доминанта современного хозяйствования. На смену «невидимой руке» рынка на всех парах спешит «виртуальная голова» информационной экономики знаний. *Основой устойчивого развития становятся национальный интеллект и поддерживающая его политическая воля.* В нынешней ситуации отношение к науке как досадной обузе бюджета означает риск потерять ее и обречь Россию на роль интеллектуально-сырьевого придатка Запада и Нового Востока.

Наше маргинальное время резко обнажило рифы меркантильного и рыночного восприятия мира, отношения к природе и жизни человека. Оно подвергается резкому осуждению со стороны антиглобалистов с их лозунгом «Единство не рынков и банков, а человечества и природы!». Недавняя безоглядная проатлантическая ориентация принесла России больше вреда, чем пользы. Запад тянет от нас сырьевые ресурсы и интеллектуальные наработки, блокируя продукцию индустрии. Такое сотрудничество напоминает «эквивалентный обмен» с дикарями, когда стеклянные бусы менялись на золотой песок и самородки. На ум приходит пророчество, казалось бы, безнадежно устаревшего Маркса: капитал цинично срывает с древа науки наиболее удав-

шиеся плоды, великодушно оставляя львиную долю расходов по их выращиванию, селекцию и риски, с ними связанные, самому ученому. Как в воду глядел! Этому способствует правовая незащищенность интеллектуальной собственности и деятельности в России. Так, идеология «Открытого об-

Недавняя безоглядная проатлантическая ориентация принесла России больше вреда, чем пользы. Запад тянет от нас сырьевые ресурсы и интеллектуальные наработки, блокируя продукцию индустрии. Такое сотрудничество напоминает «эквивалентный обмен» с дикарями, когда стеклянные бусы менялись на золотой песок и самородки.

щества» напоминает призыв убрать запоры и распахнуть двери складов и арсеналов, домов и квартир, когда по городу разгуливают мародеры. От этого немногим отличаются гранты некоторых зарубежных фондов и программ.

Наша наука — нищенка, впадающая в голодный обморок, сидя на мешке с золотом. Кто сможет его развязать: родное государство или иноземные «благодетели»? Престиж российского ученого как никогда низок. Наш аспирант получает стипендию в 1,5 тысячи рублей (50 долларов США), польский — 1 тысячу долларов, швейцарский — 3,5 тысячи долларов. Еще один психологический нонсенс из серии «умом Россию не понять». Это похоже на бред! Истерзанный противоречивыми потоками информации

мозг бунтует. Будто попал в штормовое море. И под ногами — резко крепнущая палуба. Но это — не величественный «Титаник», столкнувшийся в романтическом тумане перестройки с айсбергами рыночной экономики, а чудовищно нелепый «корабль дураков»! Почти что того, что создан большим воображением гениального Босха! В нашей гремучей смеси экономической безалаберщины и политических амбиций воистину чувствуешь себя его невольным пассажиром, который не видит не только заманчиво мерцающих огней портовых маяков, но даже редких чаек — предвестников близости берега, хоть какой-то определенности.

Почему отечественная наука, интеллектуально осеменявшая весь мир, оказалась лишней в рыночной России? Потому что «цивилизованный» рынок напоминает нравы Дикого Запада с мерседесами вместо лихих мустангов. Потому что он формировался международными валютно-финансовыми пулами и их пронырливыми сателлитами под эгидой МВФ и Всемирного банка. Своего они добились, надо отдать должное, упорно и умело. Нас нет на рынках высоких технологий. В своей стране мы словно иностранцы. Наш внутренний инновационный рынок — капля в море на фоне мирового. И тем не менее российская наука способна бороться за приоритет в 12—17 макротехнологиях из тех 50, что определяют стратегический потенциал развитых стран.

Мир вступает в стадию повышенных рисков: техногенных, генетических, военных, криминально-террористических, экологических, демографических, психологических. Их своевременное прогнозирование и эффективное предотвращение невозможны без науки как средства мониторинга человеческого благополу-

чия. К тому же набирает силу мощная волна интеграционных процессов, глобальных и региональных. Рынок товаров уступает место конкуренции не столько капиталов, сколько идей и технологий. Вперед бурно выходит интеллектуальная собственность. В ее структуре фундаментальные исследования и прорывные стратегии, создающие принципиально новые устройства и продукты, постепенно теснят прежние технологии, улучшающие свойства или внешний вид изделий, уже вошедших в сферу хозяйства и быта. «Производство» наукой идей, концепций и технологий по сравнению с индустрией компактно, требует меньше материалов, энергии, стартовых затрат. К тому же нередко они обладают эффективностью, исчисляемой порядковыми величинами.

Отчего же у российской науки не заладилось с экономикой? Из какой табакерки выскочил фантом бездумной веры в справедливость «невидимой руки» рынка и во всемогущие монетарные методы, когда ведущая мировая валюта рискует деградировать до уровня конфетных фантиков? *Бескрылая стратегия догоняющего развития и внедрение принципов капитализма эпохи паровой машины в стране с мощным интеллектуальным потенциалом делает любую науку, кроме психологии массового внушения и саморекламы, заведомо лишней.* Более того — помехой блиц-обогащению доморощенных олигархов, когда деньги делаются из денег, а вернее — из воздуха, минуя производство. И не в реальной экономике, а на ее руинах. Ученого, рискнувшего внедрить ноу-хау в производство, облагают налогом, как владельца пивного ларька. Но у первого нет и не может быть той житейской изворотливости, которая свойственна второму. Интел-

лектуальную деятельность, требующую колоссального напряжения и недюжинных способностей, закон ставит на одну доску со знанием таблицы умножения, достаточным «челнокам» и коробейникам.

Нашей академической науке присущи три исторически сложившихся недостатка. Во-первых, короста кастовости, замкнутости на самое себя, благодаря чему конечным продуктом исследований чаще всего выступают печатные издания, во многом нелепый индекс цитирования и журналы лабораторных опытов. Во-вторых, гуманитарии считаются учеными второго сорта, хотя в век экспансии информатики именно социальные технологии становятся средством прорыва инноваций на рынок и главное — в сознание людей. Наконец, российской науке, в силу традиционной связи с государством и военно-промышленным комплексом, свойственна оторванность от СМИ и структур, планирующих финансовые потоки. Отсюда — ее неповоротливость, медлительность, дезориентация в бурном море мирового бизнеса, где конфиденциальность ноу-хау «испаряется» в период от двух до шести лет за счет параллельных разработок и интенсивного экономического шпионажа.

В столь непростой ситуации только знание, создаваемое человеком для человека о человеке, может открыть нам свою, российскую, дверь в лоно глобальной информационно-креативной цивилизации. Лишь приоритетно финансируемой и законодательно обеспеченной режимом наибольшего благоприятствования отечественной науке под силу разработка благоприятных для России глобальных тенденций в жестко конкурентной среде многополярного мира.

Интеллектуальная история человечества

Первобытное присваивающее хозяйство было нацелено на элементарное выживание. Земледелие и скотоводство, ремесло и торговля сыграли роль экономического фундамента цивилизаций Древнего Востока, античности и средневековья. Символическими фигурами эпохи, открытой неолитической революцией в орудиях труда и средствах производства, формах культуры и управления, стали подневольные и эксплуатируемые народы, племена, общины, кланы, роды, артели, цехи. Они использовали специальные инструменты и транспортные средства, орудия и оружие, силу человека, воды, ветра, биологию воспроизводства окультуренных растений и домашних животных. Раба называли «говорящим орудием», а крепостного — «быдлом». Их уделом был тяжелый монотонный физический труд, связанный с концентрацией внимания на его предмете и пространственной характеристике бытия, преимущественной загрузкой правого, психомоторного полушария головного мозга. Вместе с тем бурно развивались механика и химия, расширялся круг источников энергии, появились зачатки новых социальных и управленческих технологий как производственно-хозяйственного (включая сферу отношений древневосточной, античной и феодальной собственности), так и властно регулирующего типа (государственно-правовые институты типа восточной деспотии и военной демократии, полиса и империи, клиентелы и абсолютизма).

Еще более масштабно преобразило мир изобретение паровой, механической, а затем и электрической машин. Инструмент, выступавший как своего рода продолжение рук масте-

ра, стал ее рабочим органом, а работник — живым придатком. Француз Ламетри симптоматично назвал свою книгу «Человек-машина». В чреве нового типа жизнедеятельности и эксплуатации — порождения машинной индустрии — зрели отношения социального контракта и конкуренции. Труд из средства элементарного биологического выживания по мере возрастания роли интереса как фактора экономической эффективности превращался в работу с законодательной регламентацией длительности последней, права на ее выбор, оплату и отдых. Фокус сознания и ментальности отныне был ориентированным «на результат» и его временные параметры, а психологическим фундаментом работы стало словесно-речевое левое полушарие головного мозга, абстрагирующее в удобном для инженерных и технических расчетов ракурсе предметы и связи окружающего мира. Сознание индустриального человека напоминает лодку с креном на левый борт. Для его психологического статуса характерны бизнес-доминанта, или ориентация, на максимально достойное выживание, а также их маргинальный синтез.

Компьютер вновь переворачивает ситуацию и статус индивида, хотя поначалу его называют машиной, правда электронно-вычислительной. Человек в результате такого рода инверсии опять становится эпицентром хозяйственной деятельности и всех остальных сфер жизни социума. На смену механическому ритму бездушного конвейера, пронизывающему даже людей, пространственно отдаленных от него, находящихся в кабинетах и офисах, в научных лабораториях и на театральном подмостках, в дверь будущего общества все более решительно стучится творческая деятельность. Она связана с извлечением и применением ин-

формации, хранимой и преобразуемой в электронных системах, имитирующих некоторые стандартные, стереотипные, «механические» функции головного мозга. На заре кибернетики Карл Штейнбух дал своей книге знаковое название «Человек и автомат». Но компьютер лишен того, что является функцией правого полушария. Его потенциал креативности лимитирован отсутствием творческого вдохновения, высоких эмоций и вершинных чувств. Это обуславливает связь компьютерной эпохи с бурным всплеском экстравагантных искусств и литературных экзерсисов, экзотических массовых зрелищ и развлечений, экстремальных видов спорта и иных форм загрузки правого мозга.

Антропологический смысл этих тенденций ясен. Ведь каждый из нас — не только гражданин своей страны, но и представитель биологической популяции *homo sapiens*. К тому же тотально-молниеносная экспансия Интернета и тем более его будущих аналогов, приводя к своего рода «сжатию» времени и «аннигиляции» пространства как барьеров информационного общения, открывает перспективу избирательных контактов любого индивида с любым из современников. Ситуация напоминает возможность вербального общения каждого с каждым в изначальных структурах социального бытия, что позволяет ставить вопрос о превращении человечества в некое подобие «планетарного племени».

С выходом информатики на авансцену человеческого бытия интеллектуальная собственность, авторское право, творческий потенциал человека все заметнее теснят прежде определявшее едва ли не все на свете значение недвижимости, индустриальных средств производства, земли и ее недр, источников минерально-

го сырья и энергоресурсов. Поэтому недооценка интеллектуальной деятельности и ее идеальных (виртуальных) продуктов тесно связана с инерцией применения к ней по аналогии вещного римского права и имущественных норм кодекса Наполеона.

В сравнении с веществом и энергией интеллект обладает рядом преимуществ. Его использование и применение основанных на нем технологий ноу-хау не означает уменьшения и растраты исходного научного «сырья». Популярный пример из литературы. Профессор на лекции передает студентам знания, а одному из них вручает свои часы. При этом он продолжает пользоваться собственными знаниями, чего нельзя сказать об отсутствующих у него часах. Интеллект неисчерпаем, как сама природа и удивительный в своей универсальности и уникальности человеческий мозг. Идеи и информация сами по себе ничего не весят. Для них не нужны вагоны, контейнеры, трубопроводы, портовые краны, грузчики. Более того, лучшие из них не изнашиваются, становятся «вечными». Технические устройства новейших поколений весьма компактны по сравнению с промышленными аналогами, если таковые вообще имеются. Однако эти факторы в экономической теории и практике хозяйственного планирования выступают как второстепенные.

Цивилизационный Рубикон

Безоглядно прозападная ориентация принесла нам больше вреда, чем пользы. На откуп «золотому миллиарду» отданы не только наш сырьевой, энергетический, но и интеллектуальный потенциал. Кому выгодно держать Россию на подхвате как по-

ставщика сырья, энергоносителей и продукции экологически вредных производств, а также объемного рынка сбыта излишков товаров и того, к чему свои граждане уже утратили интерес? Это грозит ее превращением в придаток Запада. Он тянет у нас минеральные ресурсы и научные разработки, игнорируя продукцию индустрии по причине небрежного исполнения и дурного оформления, а главное — из конкурентных и стратегических соображений. Это ведет к разрыву нашей экономической системы, напоминающей дом с первым и третьим этажами без второго!

Однако эра информатизации переставляет привычные экономические и психологические акценты. *Уметь* в эпоху бурного пересмотра технологических и гуманитарных приоритетов важнее, нежели просто *иметь*. В изменившейся экономической ситуации провозглашенное Марксом *первоначальное накопление капитала* как финансовый источник генезиса капитализма эпохи паровой машины *уступает место перманентному кредитованию научной деятельности и финансовому авансированию ее результатов*. Прежний рынок товаров оттесняется в сферу быта и комфорта гораздо более масштабным и динамичным рынком кредитов и электронной торговли, невзрачным, а то и вообще невидимым со стороны.

Стиль жизни классического капитализма был ориентирован на передачу предком своим потомкам богатства или вещественного наследства (в Италии и Швейцарии есть частные банки, а в Голландии мельницы, которыми с XVI века владеет одна и та же семья). Он изживает себя в связи со стремительностью перемен и в сфере производства, и в области финансов, особенно после того, как

деньги лишились своего золотого эквивалента, а теперь стремительно обретают электронный облик и все реже непосредственно переходят из рук в руки. Обычной становится рискованная и динамичная «жизнь взаимности». Больше всех преуспели в этом США, сумевшие придать доллару (как англичане своему языку), по сути дела, всемирный статус. Правда, с появлением евро ситуация меняется, а США ожидает геополитическая катастрофа, сравнимая по масштабам с развалом СССР.

В сфере создания новых видов продукции, особенно идеально-концептуальной, производителя заметно потеснил инвестор. В этой роли обычно выступает банк, который в сравнении с эпохой раннего капитализма интегрировал прежде отдельные функции менялы, ростовщика и рантье. Приобретая в результате такой трансформации невиданную финансовую мощь, банк из первоначально посреднического учреждения, операционально обслуживающего процесс производства материальных благ, превратился в его заказчика, регулировщика и совладельца. Он взял на себя функцию программирования будущего продукта, начиная от изучения спроса на него и инициирования конструкторского замысла и кончая рекомендуемыми формами бытового потребления и массивной агрессивной рекламой.

«Слуга двух господ» — промышленника и рантье, питавших товарное производство, банк стал господином обоих своих прежних хозяев, сумев вознести узкокорпоративные амбиции и экономические интересы выше нужд и проблем материального и духовного обеспечения человеческого бытия. Схема Маркса Д—Т—Д на глазах превращается в свою виртуальную противоположность — Д—Д—Д. Уходя из сферы материаль-

ного производства, *капитализм сам пожирает себя*. Новая роль банков отразилась в архитектуре. В средневековой Европе городской пейзаж формировали башни и стены рыцарских замков. Позже их сменили узорчатые шпили изящных готических соборов, затем трубы фабрик и заводов. Теперь облик любого города немыслим без замысловатых небоскребов — офисов мировых банков. Их тонированные и бронированные стекла не позволяют заглянуть вовнутрь, но дают возможность видеть все, что происходит снаружи. Они симптоматично отсекают виртуальное Зазеркалье финансовой мощи новых властелинов мира от жизненных интересов и потребностей населения планеты. Однако информационно-компьютерные технологии исподволь подрывают их бытие.

Одно из ключевых условий выхода России на арену информационной цивилизации — психологическая интеграция различных слоев населения в русло совместного стремления к этой цели, чтобы каждый мог увидеть в ее достижении свой конкретный интерес. Иными словами, нам нужна современная, отвечающая динамичным реалиям грядущей эпохи (важно мыслить и действовать на опережение текущих событий!) *общенациональная идея, вписывающаяся в глобальные процессы современного мира*. Действительно ли национальной идеей России является мечта о волшебном превращении в Запад? Или она способна избрать другой путь, и ей в таком случае нужен иной формат международного сотрудничества? Почвенники уповают на славянские традиции соборности и благородство доморожденного капиталиста. Он заведомо должен быть (хотя неясно: почему?) лучше, добрее, понятливее иноземного. Лозунги национальной самобытности

украшают знамена движений, исповедующих либо эксплуатирующих приоритет соборной идеи. Западники призывают идти «в Европу». Неужели теперь, спустя три столетия после реформ Петра, России вновь предстоит «рубить окно» на Запад? Как и чем? Промышленным превосходством? Коленопреклоненной мольбой о помощи и жалостливым взыванием к милости? Или высокоточным ракетно-ядерным «топором»? Разве горькое похмелье после эйфории горбачевской перестройки, переросшей в гайдаровские квазизападные реформы, и напоминающие сказку о скатерти-самобранке ваучеризацию, МММ и ГКО не развеяли сладких иллюзий о том, что «заграница нам поможет», если будем дебильно-послушными учениками?

Вечная наша дилемма: *куда* и *за чем* идти, до боли напоминающая рефрен народных сказок: пойдешь туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что! Или рефлексивные размышления фольклорных персонажей у развилки дорог: направо — налево — прямо? Куда ни пойдешь по чужой указке — все лихо. Поневоле приходится искать собственный путь к вожденной цели. Не западный и не восточный, а свой, вписанный в реалии ситуации и общие закономерности Истории! Тем более что в силу ментальности, выработанной веками в специфических природных и исторических условиях, прямые заимствования иностранных новаций оказываются малоэффективными, а сидеть на коварной «игле» заморских технологий, игнорируя собственные, не только хлопотно и разорительно, но и в стратегическом плане весьма небезопасно для обороноспособности и самостоятельного развития страны.

Зачем наши постперестроечные политики бросились, расшибая в не-

померном усердии лбы, в ноги еще совсем недавно «загнивающему и угнетающему народы мира империализму»? *Чего* они ждали от Запада? Импортной национальной идеи и волшебного рецепта выхода на мировую арену в качестве великой державы, сменившей флаг и геоэкономические приоритеты? Или бытового синонима капитализма — вожденной валюты? Первого Запад дать не мог: мы — *не такие*, как они; а те — *иные*, чем мы. Они для нас — вовсе не искренние друзья, а себе на уме конкуренты и вдобавок геополитические чужеземцы. Деньги нам «великолепная семерка» если и предоставляла, то по старой криминальной формуле: «за вход — доллар (фунт, евро), за выход — два». Причем валюта проходит обычно мимо государства и народа по старинному фольклорному маршруту: «по усам текло, да в рот не попало», доставаясь темным дельцам, криминалу и нечистоплотным политикам. Недаром канцлер Эрхард даже фатально дисциплинированных немцев вынужден был избавить от соблазнов воровства, запросив субсидии по плану Маршалла не деньгами, а техникой и сырьем.

Верно, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Стоило странам, прежде пунктуально следовавшим инструкциям предприимчивого МВФ, выйти из-под контроля и провозгласить собственную экономическую политику, как прогремели санкции: крушение бразильского круэйро, мексиканского песо, ловко инспирированные валютные бунты на биржах Южной Кореи и Гонконга, искусное подогревание политического кризиса в Индонезии. Были попытки нажать на Чили, Малайзию, ЮАР, Нигерию, ряд малых стран. Известен случай, когда Мишель Камдессю покинул одну из африканских столиц, увозя с собой лишь сувениры и благодар-

ность за предложение помощи. Принять ее президент Ганы счел делом слишком рискованным для слабой национальной экономики. Характерно, что жестокий финансовый кризис 2002 года в Аргентине «случайно» вспыхнул вскоре после того, как министр финансов Доминго Кавалло, автор нашумевшего «аргентинского экономического чуда» на базе тотальной долларизации по рецептам МВФ, привязал к доллару национальную валюту — песо.

Какая историческая перспектива ждет нас при заикленности на Запад? *Запад как предельно развитая капиталистическая система*, а вовсе не по злому умыслу — *совокупный эгоист, изворотливый эксплуататор, сам себя неизбежно загоняющий в исторический тупик*. Ему предстоит немало пережить, подстраиваясь к вызванным им самим процессам тотальной информатизации. Это вполне способно привести к кризису, сопоставимому с распадом СССР. Поэтому я не думаю, что для нас свет клином сошелся на догоняющем развитии стран «золотого миллиарда». Если уж играть с ними в геоэкономические пятнашки, то в режиме: кто кого и как сумеет перегнать, а не в использовании ресурсов аутсайдера для увеличения его отставания от лидера.

Упорно навязываемая нам стратегия догоняющего развития в условиях острой экономической и политической конкуренции мирового масштаба заведомо обречена на неуспех и добровольную консервацию отставания. Взятые *сегодня* за основу *вчерашние* ориентиры могут *завтра* привести... только *в позавчера*. Зачем же, рискуя сорваться под колеса, пытаться вскочить на подножку последнего вагона, коли разогнавшийся поезд западной цивилизации мчится в исторический тупик?

Третий Рим или третий мир?

Новая геополитическая ситуация диктует выбор приоритетов в стратегии развития, которая теряет эффективность в изолированной от остального мира «пустоте». Но если внутри самой хозяйственной системы ключевые проблемы и противоречия не могут быть разрешены, значит, остается выйти за ее пределы. В математике есть великая теорема Гёделя о принципиальной неполноте замкнутых систем. В какую сторону «разомкнуть» нашу систему? Куда идти России? На кого ориентироваться? Кто в мире и где ждет нас как равноправного геоэкономического партнера и желанного геополитического союзника? И как избавиться от буквально вросших (или вбитых!) в сознание предрассудков, что все лучшее, что есть в этой жизни, появляется на благословенном Западе, а его цивилизационное «приданое» — рынок и парламент — единственно возможные формы и гаранты благополучного социального устройства?

Касательно индустрии подобные иллюзии уже изживают себя. Информатизация стала ее реальной альтернативой. К тому же строить (даже на развалинах) легче, чем модернизировать пока еще и приносящее прибыль производство, в которое сделаны немалые вложения. Но сейчас вовсе не обязательно предварительно все крушить и рушить «до основания, а затем». Достаточно создать *не вместо, а рядом* (благо, места для этого надо совсем немного) с прежними формами индустриального способа производства (не на их «костях») новый компактный и природосберегающий *информационный уклад хозяйствования и управленческой деятельности*, где функцию безмозгло-механической «руки рынка» заме-

нит творческая «виртуальная голова», генерирующая и материализующая знания. Набирая силу, креативные венчурные структуры и инвестиционно-хозяйственные холдинги ускорят кризис изношенных промышленных монстров. На ум приходит аналогия с появлением миниатюрных млекопитающих среди гигантских динозавров. Первые плавно вытеснили из эволюционного процесса тех, чей ресурс адаптации к переменам оказался в критической ситуации исчерпанным. Как у индустрии и порожденных ею социальных институтов!

Россия, как ни парадоксально это звучит, имеет *потенциальные преимущества перед индустриально развитыми странами*. У нас еще есть собственная фундаментальная наука. Недаром транснациональные концерны, сокращая штаты у себя дома, именно у нас создают и расширяют научно-производственные лаборатории по разработке новых программных, технологических, фармацевтических и прочих интеллектуальных продуктов. Когда речь заходит о конкурентоспособности, это касается не только факторов экономических, политических, силовых, но также интеллектуальных, эмоциональных, психологических компонентов сознания.

Думаю, ахиллесова пята России — пренебрежение социальными технологиями. Каждая вещь имеет две ипостаси: будучи продуктом природы, одухотворенным сознанием, она выступает в роли ориентира и инициатора человеческой деятельности, а значит, зависит от вкусов, традиций, привычек, моды. Встает проблема выбора и интеллектуально-эмоционального, а не пассивно-потребительского отношения к новациям, будь то товар или услуга (включая интеллектуальную продукцию и деятельность), тем более если они только что появились на рынке либо иных площадках соци-

альной арены. Национальная психология становится стержневым компонентом хозяйственной деятельности и социального поведения, грядущей трансформации систем управления и экономики, сложившихся в эпоху индустриального производства. В отличие от культа прагматизма и индивидуального успеха, составляющих доминанту западной науки, российским ученым в гораздо большей степени присущи *интеллектуализм* (творческая игра ума), *коллективизм* (стремление работать в команде творчески и не на хозяина), *духовность* (характерно, что это слово адекватно не переводится с русского!) и *гуманизм*.

В охваченном информационным бумом мире зреют тенденции, оседлав которые Россия может выйти из кризиса, минуя многие беды, неизбежные для слишком специализированной на конкурентно-рыночных отношениях вестерн-цивилизации. Надо суметь распознать и использовать открывающиеся возможности. Не станет ли это прорывом на *путь истинно российского развития России?*

Естественно, драматический процесс обновления России нуждается в защите от внешних помех и негативных воздействий, лимит отторжения которых не безграничен. Грубым имперским замашкам наиболее экономически и политически агрессивных стран Запада нужно противопоставить партнерство, сотрудничество и союзничество с незападным большинством мира, охватывающим пять шестых его населения. БРИКС — тому пример. Это вовсе не предполагает нашей изолированности от Запада, успехи которого в области науки и «революции комфорта» неоспоримы и имеют общечеловеческое значение. Речь о том, чтобы надежно пресечь навязанные им формы паразитической

эксплуатации сырьевых и людских ресурсов России.

Стратегия обустройства России в мировом экономическом пространстве останется однобокой и неустойчивой, не будет соответствовать ее национальным интересам и приоритетам при игнорировании программ и проектов, скоординированных с развивающимися государствами (БРИКС — тому пример) и со странами СНГ. Пока же Россия часто ошибалась геоэкономической дверью. И нередко рвалась туда, где ее если и пустят, то лишь затем, чтобы еще раз обогнуть и унижить.

Давайте чутко прислушаемся к тихим шагам Будущего, подчас еле различимым в сутолоке нашей нынешней жизни, и устремимся ему навстречу, а заодно постучим в те двери незападного мира, за которыми нас знают, уважают и пока еще ждут. Может быть, от этого зависит не только превращение многострадальной России в мощного «экономического медведя» Евразии, но и завоевание статуса Третьего Рима, означающее долгожданный поворот в мировом балансе геополитических сил, а значит, и в судьбах запутавшегося в созданных им самим проблемах человечества. ◆